

ПЕРЕВОДЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Появление в 1990-е годы в печати работ датского мыслителя Серена Кьеркегора в переводе С.А. Исаева и Н.В. Исаевой было одним из важных культурных событий своего времени. Отечественный читатель вновь знакомился с автором, чей голос, как и голоса многих других, казалось, в советские годы был забыт навсегда. И знакомился не только по переизданию дореволюционных переводов Петра Ганзена, но и по новым переводам ранее не переводившихся на русский язык произведений. Эти произведения тоже получили у нас возможность найти — и нашли — «того единственного», кого Кьеркегор «с радостью и благодарностью называет своим читателем», «единственного», кто также с радостью и благодарностью принял их.

Но благодарному читателю пришлось немало потрудиться. По признанию одного из таких читателей, через текст пришлось буквально «продираться», но то, что оказывалось в результате понято, уже навсегда оставалось в душе. Является ли такое «продирание» необходимым при чтении Кьеркегора — необходимым

в силу сложности оригинала, — или же оно является следствием перевода, сделавшего текст чрезмерно тяжелым и громоздким? Осмелюсь сказать, что верно, скорее, второе. Недаром, по признанию моей учительницы датского, которая выросла в Дании и для которой датский язык такой же родной, как и русский, когда она читает Кьеркегора по-датски, ей все понятно, но когда она берет в руки русский перевод, ей непонятно ничего. Действительно, датский текст гораздо легче и изящнее; произведения Кьеркегора это один из лучших образцов датской литературы. А по-русски эти произведения вышли тяжело читаемыми, через них нужно «продираться».

Нам думается, что таким громоздким перевод супругов Исаевых получился по нескольким причинам. Порой это чересчур несвободное следование «букве» датского текста, что затрудняет осмысленное понимание текста по-русски. Так, предложение «Udødelighedens Tanke har i sig en Magt, en Fynd i sine Conseqventser, en Ansvarlighed i sin Antagelse, der maaskee vil omskabe hele Livet paa en

Maade, som man frygter» Н.В. Исаева и С.А. Исаев переводят: «Мысль о бессмертии несет в себе некую силу, в своих следствиях — некую весомость, а в своем приятии некую ответственность, которая, вероятно, способна переkreить всю жизнь настолько, что человек это боится». В этом переводе обращает на себя внимание стремление переводчиков перевести неопределенный артикль местоимением «некая», что, будучи, на наш взгляд, попыткой калькировать датский текст, не соответствует *смыслу* оригинала. Кроме того, датское предложение является собранным и динамичным, русский же перевод (в том числе, из-за этих «неких») выглядит намного более рыхлым и слабым. Для сравнения, мы переводим: «Мысль о бессмертии сама по себе исполнена силы, ее следствия действительны, ее принятие рождает в человеке ответственность, побуждающую его, быть может, в корне изменить свою жизнь, — а это страшно».

Иногда такой буквализм разрушает поэтическое звучание текста, трудно становится почувствовать красоту образного языка Кьеркегора. Так, это можно видеть в переводе абзаца «Man bøier Evigheden ind i Tiden for Phantasien. Saaledes opfattet frembringer den en fortryllende Virkning, man veed ikke, om det er Drøm eller Virkelighed, Evigheden kiger veemodig, tankedrømmende, skjelmsk ind i Øieblikket, som Maanens Straale zitrer ind i en oplyst Skov eller Sal. Tanken

om det Evige bliver en phantastisk System, og Stemningen er bestandig denne: drømmer jeg eller er det Evigheden, der drømmer om mig». Исаевы переводят этот абзац: «Некоторые пригибают вечное внутрь времени ради воображения. Понимаемое таким образом вечное оказывает чарующее воздействие, человек уже не знает, мечта это или действительность. Вечность со своими мечтательными мыслями печально или лукаво заглядывает внутрь мгновения, подобно тому как лунный свет мерцает в освещенной роще или зале. Мысль о вечном становится фантастическим конструированием, настроение же все время остается тем же: “Я ли тут вижу все это во сне, или это вечность видит сны обо мне?”». Для сравнения, мы переводим: «Вечное втягивается внутрь времени как пространство фантазии. Схваченное подобным образом, оно оказывает пленительное воздействие; невозможно становится понять, сон это или явь; вечность глядит грустно, задумчиво и мечтательно, мгновениями мерцая плутовски, словно луч лунного света, трепещущий в ночном лесу или темной зале. Мысль о вечности становится предметом фантазии, и настроение при этом всегда таково: сплю ли я, или это вечность спит и видит сны обо мне?».

Можно было бы отдельно отметить и имеющееся порой несоответствие ритмики перевода Исаевых ритму и темпу кьеркегоровской мысли, ее динамике. Но выше, разбирая

первый пример, мы уже обращали на это внимание.

Разумеется, критикуя здесь перевод супругов Исаевых, мы ни в коей мере не хотим умалить их заслуги как первых переводчиков ряда работ С. Кьеркегора. Они заслуживают глубокой признательности и благодарности за их труд. И все же думается,

что назрела необходимость в новом переводе, который устранил бы недостатки прежнего. И приведенный здесь текст одной из глав работы С. Кьеркегора «Понятие страха» является как раз попыткой такого нового перевода.

А. Лызлов